

Дмитрий Москалев

Рукотворный рай

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Николаевич Москалев

Рукотворный рай

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29410793

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-11324-4

Аннотация

История повествует о мальчике, беспризорнике, выживающем в холодном и жестоком мире послевоенных лет, который в силу нищеты вынужден скитаться по необъятным просторам страны, в поиске спасения и крошки хлеба. Эта книга рассказывает о борьбе неокрепшей души, беспомощной и хрупкой, с голодом и человеческим злом. И кто же победил в этой борьбе – решать Вам. Содержит нецензурную брань.

Дмитрий Москалев

Рукотворный рай

Глава 1.

Вокзал. Вечер.

Свет уличных желтых фонарей освещал угрюмую станцию. Стоял туман, и лучи света били вверх столбами до самого неба.

Уже много воды утекло с рождения того самого мальчика, о котором пойдет рассказ.

Время случившейся человеческой жестокости постепенно отступало, на смену ей приходила эпоха надежды и всемирного успокоения. Эпоха переосмысления, а для кого-то тяжелое похмелье. Скорбь, ненависть – забывались, народ ждал перемены во всем, даже в себе.

Менялось все, как сами люди, так и их нравы, их дети и внуки, которые изменяли идеалам стариков, их верованиям, так менялись и ценности, здания, фасады их, росли деревья ввысь и все шире и шире росла человеческая душа.

Не менялись и не преображались лишь городские улицы, которые оставались все такими же грязными и черными, готовыми всегда затянуть в себя, пожрать, переварить, словно в котле любую пропавшую душу, потерявшую все, либо ничего и не имевшую.

Дикие улицы принимали в себя тысячи душ, старых, увядающих – стариков, либо ещё не окрепших, ещё совсем маленьких – детей.

Они жевали их, потом выплевывали в какую-нибудь канаву, на обочину. Подъезжала телега, с неё спрыгивал человек, загружал тело и отвозил на кладбище, где труп закапывали в общей могиле, после диагноза врача – переохлаждение, умер от голода и т.п. только на своем медицинском языке им понятном.

После же о замученной душе уже никто никогда не вспоминал. Никто не принесет таким цветов на могилу, никто её не посетит, кроме самого очерстневшего могильщика, но который всякий раз роняет слезу досады и обиды, при виде маленького холодного дешевого гроба с телом.

Гостеприимство улиц пугало. Пугало своим холодом, ветром, пронизывающим лохмотья насквозь, словно своими длинными щупальцами, промокшими ногами, словно ты живешь в каком-то вечном болоте.

Улица, питалась погибшими душами, она ими жила, становясь живой, и в самый пик бед, гостеприимство её становилось поистине пугающих размеров, до того, что выпустить из своих объятий своих детей уже не могло, да и не хотела, и считала своим материнским долгом, истинным подлинным долгом воспитать их, вскормить, поставив на их лице клеймо – «я вырос на улице». Со стариками же она обходилась бесцеремонно, даже ей они были не нужны.

Чем же детей так манила улица? Когда ничем не обременен – дышится свободно, полной грудью, ощущается запах свободы, её вкус... Когда нет родителей, только улица тебя примет.

Да, город с вокзалом являлись клеткой для слабых, а сильные, в свою очередь, пользуясь их бессилием, старались всячески на этом заработать, иногда не обращали никакого внимания на ужас улиц.

Одно из тех вещей, что душит человека – безразличие. Воцарилось безразличие к страданиям других, милосердие ещё не проникло в сердца простого люда – каждый хотел выжить, думал только о своем спасении. Мир оказался разрушенным, ещё не воскрешенным из пепла, обессиленным. Воцарилось безразличие – и исчез человек. Безразличие ушло – и человек воскрес, словно и не было безразличия.

Глава 2.

Пробило пятнадцать минут пятого вечера.

Ничего сверхъестественного вновь не произошло и мир, хрупкий мир, не перевернулся, земля под ногами не оставилась, не замедлила свой бег по орбите, время не изменилось, не исказилось и не ускорилось, но уже не слышался шум приближающихся или уезжающих поездов, некоторые из них стояли, дожидаясь команды диспетчера на отправку в свой бесконечный и замкнутый путь.

Через открытые нараспашку двери толпа валила наутек.

Она имела озабоченный облик, обеспокоенный вид, кто-то убегал, спешил, ускоряя шаг, терялся, или же стоял, смотря по сторонам, ища кто-то, не зная, что делать и куда идти дальше. Кто-то ждал и рассчитывал на чью-то помощь.

Вся сцена представляла собой сборище, состоящее из рабочих, бродяг, малограмотных крестьян, а иногда совсем не умеющих ни читать, ни писать, а также образованных инженеров, учителей с большими чемоданами. В этот день было многолюдно, поезд задержался в пути и пришел с запозданием.

В духе своем – толпа состояла из самых обыкновенных людей, устроивших бардак на перроне, свалку интересов, вавилонское столпотворение, в которое чья-то неизвестная рука художника вносила свою каплю каламбура, суматохи. И капля за каплей, стекались в одно единое рукотворное море – вокзал.

–Тетя, тетенька, милая, подождите, накормите, дайте копеечку сироте, умру, кушать хочу! – кричал детский охрипший голос ребенка, вслед проходящей мимо женщине. Затем маленькая слабая ручка схватила её за рукав и потянула на себя, – кушать хочу, подайте копеечку!

Гул толпы приглушал голос тетки. Мальчик тем временем ничего не расслышал.

–Тетенька, добрая, не оставьте умирать, – молил он её, дергая за руку.

– Пошел прочь, отстань от меня! – женщина брезгливо огрызнулась и одернула рукав, вырвав его из тонких пальчиков мальчика, – дурак вшивый, пошел отсед! Какая я тебе тетя? – мальчик успел увидеть сверкающий яростный взгляд, на лбу отразились морщины, а лицо показалось ему столь омерзительным, что ему захотелось плакать и убежать, но он не смел.

Удар пришелся по голове, как оказалось толстая рука, злой тучной женщины, скрывающей свои свиные складки под пальто, оказалась тяжелой до того, что мальчик ошеломленный свалился на землю.

Прищурив глаза, тетка затопала, плюнула и завизжала:

– Сбесился, выродок? – затем прошипела как змея, – ты заработал копейку, скотина? Заслужила-а-а? – она протянула «а-а-а», так, что губы её задрожали, оголив гнилые черные зубы. Ещё раз плюнула, поморщилась, желая как можно сильнее оскорбить беззащитного мальчика.

– Пошел к черту, кому говорят! – её голос стал более спокойным, она подняла сумки с земли, осмотрелась испуганно, как бы её не увидели в таком положении и хотела было уйти прочь.

– Тетенька, – прохрипел мальчик, кушать хочу, за что вы меня так? – он смотрел ей глаза, от сверлящего ненавистного взгляда женщины ему стало страшно и гадко. Он в последний раз протянул к ней свою ладонь.

– А мне п-евать, – сухо ответила женщина, слюна не позво-

лила ней выговорить «плевать», она сглотнула, вздохнула, – пошел к чертям, я тебе говорю, вас сотни таких, а я одна! – возмутилась она.

При желании, можно простить поведение особе, найти ей оправдание, ведь её поведение, есть следствие накопленных обид, неудач и катастроф, вполне закономерных, но иногда и несправедливых. Ещё молодой, дурной внешне, и совсем далекой умственно, она потеряла единственного ухажера, а в будущем её мужа, который был в её жизни (и даже вполне заслуженно) единственной любовью и опорой. До сорока она жила вдовой, без детей, которых не любила, и поэтому и не имела. Все казалось просто, но мальчик обижено убрал руку, вздохнул, вытер слезу грязной ладонью.

Не издав ни звука, ни писка, даже не всхлипнув, сирота сжал скулы, со временем, ему стали безразличны удары, унижения и оскорбления, прожив несколько лет на улице, его характер похолодел, любые нападки на него, он воспринимал как обычную агрессию улицы.

Приподнявшись с холодного бетона, мальчик подполз и дотянулся до, слетевшей с головы в сторону, шапки. Схватил её и натянул на замершие уши. Сам того не заметив, он оказался среди ног вырвавшихся из поезда пассажиров. Никто не обращал внимания на ползавшего мальчика, словно он был каким-то невидимым насекомым, лишь одна молоденькая симпатичная девушка, вскрикнула, закрыв рот руками: –Ай, кто это? – она вмиг исчезла в толпе, растворившись

словно тень в полдень, вскоре забыв о случившемся с ней на вокзале, но не раз рассказывая подругам о странном ползающем привокзальном существе.

Мальчик закричал, когда ему на руку наступил тяжелый сапог. Его крик являлся выражением скорее обиды, чем боли, его сердце настиг испуг, его задавят, сомнут! Безжалостная толпа руководствовалась инстинктом, давя все на своем пути, словно поток реки, который невозможно повернуть вспять.

Крик должен был остановить толпу, она бы замерла, дыхание остановилось бы, но он растворился, даже эха не осталось.

Никто не обернулся, не остановился, словно и не было крика, словно и не было мальчика.

Глава 3.

Чувство одиночества схватило мальчика за горло, он всхлипнул, вытирая намокшие от слез глаза.

Толпа стала редеть, и вскоре рассеялась. Сиротка поднялся, отряхнул дырявые колени, приподнял шапку и нащупал небольшую горящую шишку. Напавшей на него женщины и след простыл, её нигде не было видно.

– "Наверное черти унесли"! – подумал сиротка и улыбнулся.

Да и что ей сделает бесправный нищий ребенок? Мальчик

решил оставить её в покое, по добру, пока чего более злого не вышло. Она ж могла его и сильно поколотить, в таком то положении, лежа на сыром бетоне под ногами озверевшей бабы было мало шансов от неё слинять куда-нибудь подальше.

–Эй, мацьчуган, – послышалось за спиной, он обернулся и увидел человека в форме, резко поднявшись, и отскочив в сторону, мальчик побежал на дорогу не оборачиваясь.

–Стой! – кричал ему вослед человек. Мальчик знал, что человек в форме – потерять свободу, потерять свои сухари в сумке, его увезут, закроют и будут учить, заставляя работать безвозмездно, за еду. А он этого не хотел, он был этим сыт по горло. Три вынужденных месяца проведенных в колхозе, на свиарнике среди грязных мужиков и баб, ещё более чистых свиней отпугивали его своим зловонием до тошноты, своим извечным сырым дерьмом в закрытом помещении. Отпугивали его бесконечные грядки на полях, тянущиеся до горизонта (для детского ума и правда бесконечные), работа в его возрасте – гибель, ребенку необходимо было бегать, дышать, играть со сверстниками, а не со свиньями.

Успокоившись и посмотревшись, он убедился, что за ним никто не бежит, тогда мальчик спокойным шагом направился к привокзальной булочной. Милиционер прекратил погоню, беспризорников в городе была тьма, их часто отлавливали, часто сажали особо буйных и преступных, которые до ходили до грабежа, воровства. За большинством – за безобид-

ными попрошайками не было смысла бегать, всех не переловишь, да и сбегут они из лагерей и приютов при первом удачном моменте.

Булочная стояла открытая, хотя должна была закрыться, как полчаса назад. У входа её толпился народ, возмущенный тем, что не успевает завершить свой поход, потеряв время в очереди после рабочего дня. Со всех сторон слышались возмущения, ругань, смех, порой даже истерический и странный. Взывания к товарищу Ленину, упреки в адрес булочной и помещикам. Толпа гудела, живая, но все-таки имела пассивный облик, и штурмовать и бунтовать не собиралась. Кто-то махал карточкой над головой, кто-то мял её в руках. Кто-то звенел монетой.

Почувствовав запах божественного хлеба, мальчик неловко повернул шею, почувствовав резкую боль в голове. Чуть пошатываясь, он решил все же завоевать кусок хлеба, и двинулся вперед.

Шум слился в единый поток.

Мальчик медленно процедил череду запахов через нос – запах свежих булочек очаровывал его, калачей отвлекал, а хлеба приходил в уныние. Он решил, во что бы то ни стало, заполучить краюху. Во что бы то ни стало, раздобыть этот чертов черствый сухарик – его спасение, его надежду. Последний раз его челюсть разжевывала что-то съестное прошлым вечером, а есть хотелось сейчас, но он безрезприпасенные сухари на крайний случай, шурша ими в мешочке.

Всмотревшись в сонные, кислые лица людей, он остановился в поиске слабейшего – и нашел. Грязная шапка мигом слетела с головы и закрутилась в руке, перевернулась дном кверху.

– Дяденька, подайте бедному сиротке на хлебушек, подайте, есть хочу, умираю, три дня не ел, я пухну с голоду, дяденька! – взмолился мальчик.

Рядом зашумела толпа, завидев его, какая-то старуха запричитала, умоляя пропустить её, у кого-то оказались больные ноги, у кого-то дети дома, а мальчик все продолжал смотреть широко открытыми глазами на незнакомого, покрасневшего от стыда дядю, как вдруг за спиной послышался резкий, до глубины знакомый свист.

Сердце мальчика на мгновение остановилось. Голос окликнул свору, люди вокруг не успели ничего понять, как сирота уже бежал со всех ног в самую её гущу.

– Беги, беги, дурень! – кричали ему вослед испуганные бабы, – убьют ведь, изверги!

– Что делаете, управы на вас нет! Помилуйте его, ась за что, да он же маленький какой!

– Пошла старуха к чертям – крикнул ей сорванец.

– А вы не стойте, как оловянные, они ж с колами! Убьют ж бедненького! – обратилась она к толпе.

– А мы то что? Мы то что? Какое мы имеем право? Сами... сами разберутся! Не наше дело! – возразил кто-то.

– Эй, шли отсюда, пшли! – кричал на свору толстенный

как бочка мужик, размахивая руками, словно отпугивая мух.

Толпа осталась позади.

–«Бежать, бежать и только вперед, но сил нет! Ещё! Ещё! Дыши ровнее, не теряй шагу!» – мальчик оглянулся.

–Держи его! За ним! Теперь не уйдешь сволочь! Быстрее, с боку заходите! – во все горло орал своре главарь шайки, оголяя дыры вместо зубов. На глаза ему падали густые рыжие волосы, немного потемневшие от грязи, веснушки закрывали щеки и острый нос, которым он любил все обнюхивать. Беспризорники словно выпрыгнули из его кармана, из-за разных углов, дыр повалили, и каждый из них старался поймать первым бедного мальчика. Словно псы они рычали, визжали, отламывали прутья, чтобы ими хорошенько отлупить чужака.

Они вскоре окружили мальчика, готовые затянуть на его шее петлю, но сделав прыжок навстречу нападающему, сиротка сбил того с ног, поднялся и бросился к свободному открытому пути для бегства. Забежавший сбоку мальчишка что-то метнул в сиротку, оно блеснуло, отразив лучик света.

Мальчик всеми силами боролся за жизнь, и когда перед ним предстал высокий забор, он, не задумываясь, запрыгнул на него, подтянулся и упал вниз на ягодицы, отбив себе бок о фундамент кирпичного забора. Ахнув от боли, он поднялся и бросился через рельсы к большому амбару, который служил складом. Откуда-то со спины выпал небольшой, но острый ножик и упал на бетон, потекла небольшая струйка кро-

ви, который служил складом.

—«Ранили!» — подумал мальчик.

Гончие повалили за ним изо всех щелей забора, на мгновение, потеряв его из виду. Но вожак шайки приказал бежать к ангару, и стая кинулась к открытым дверям, сбив растерянного грузчика.

—Папаня, а ну-ка в сторону! — кричали ему ворвавшиеся вовнутрь бандиты.

Тем временем сиротка искал выход, он бегал по лабиринту, стены которого наполняли мешки, ящики, бочки, и вот — спасение! Высокий короб для зерна, наполовину пустой, об этом говорит глухой звук полого. Мальчик вскочил на ящик и в последний момент, перед тем как из-за угла вынырнул большой парнишка с палкой и ножом, скрылся в зерне, перестал дышать и слушал. По его щекам текли слезы. Он не хотел умирать!

Беспризорники рыскали вокруг, гремя, смеясь. Почувяв запах крови, они дел искали беднягу с остервенением. Их тяжелое дыхание, то приближалось, то отдалялось от короба. Кто-то застучал по стенке коробки.

—Выходи! — крикнул детский голос, но сиротка молчал.

—«Найдут меня здесь, мне конец» — испугался мальчик, скрестив пальчики на руках, он молился, молился и плакал.

—Ворье! Ворье, собаки, побью вас! — кричал рабочий, который размахивал железным прутом. Рабочий неуклюже побежал за парнишкой, и чуть было не поймал, но тот просо-

чился сквозь пальцы, шмякнул при этом палкой ему по лысине, от чего тот ахнул, и убежал, смеясь.

Послышался монотонный свисток.

Вот кто-то лезет вверх, чтобы заглянуть вовнутрь ящика.

– Плохо дело! – крикнул кто-то испуганно.

– Шухер, парни! Вали! Милиция! – крикнул вожак, и свора рассыпалась кто куда. Воцарилась тишина. Чьи-то быстрые шаги удалялись, теперь можно было спокойно вздохнуть, и закрыть глаза.

На сей раз, он бы спасен.

Глава 4.

Быстро стемнело. Мальчик просидел в ящике до ночи. Ноги затекли и их начинало сильно сводить, затекла спина, которую он отлежал, ведь мальчик боялся даже пошевелиться, поднять голову, не точно выглянуть наружу! Вокруг было столько опасности! Его могли поколотить не только беспризорники, но и складские! И не буду они спрашивать у него кто он и зачем тут оказался – у них один язык с беспризорниками – хорошие прочные прутья, гуляющие по спине.

Но тишина взяла верх над его страхом, когда створки ворот ударились друг о друга и склад закрыли амбарным замком на ночь, сиротка растер затекшие онемевшие ноги, которые покалывали и были холодными.

Вдруг мальчик тихо заплакал, он устал плакать сегодня,

но на сей раз в слезах было что-то такое, особое, какая-то чуждая человеку тоска.

Набрав в мешок свой гнилой муки, какую снов найти в темноте, немного зерна из пустой бочки, засунул пучок себе в рот и смочив слюной, стал жевать. Затем осмелевший мальчик принялся искать выход. Просидеть до утра – означало попасться.

Останки Ивана – отца Егорки, уложили в худо сколоченный дешевый гроб. Его обтесали топором наспех, ведь труп уже начинал портиться.

Голову Ивана так и не собрали, в морге заявили, что "придется мол, вам, хоронить кормильца в закрытом гробу". Так и сделали. Никаких возражений на этот счет не последовало.

Заколотили крышку, и водрузив её на высокую телегу, погнали лошадь по разбитой и затопленной дороге. Мальчик шел рядом молча, его братья остались дома с матерью. Рядом с ним шла бабка, держась за борт, которая уже не рыдала, а только тихо причитала и вытирала опухшие от бессонницы и слез глаза.

Ещё ни понимая, что произошла беда, Егорка только догадывался о всей серьезности и прискорбности положения их семьи.

Когда-то, живой отец менял найденные Егоркой царские

чешуйки на калачи, плюшки, приносил в их землянку сахарных петушков. Вспоминалось и то, как вся орда, вечером, когда приходил с работы отец, срывалась с печи и прыгала на его уставшего плечи. Но это все закончилось, ещё не верилось, что его больше нет.

Телегу завели на паром и переправили через разлившуюся речку, моста ещё не было. И приходилось дожидаться своей очереди, в это время расстроенные и мрачный Коля сбегал и поиграл на берегу, собрал ракушек, нашел интересную палочку, но не было уже того детского веселья в его игре. Старик отправил паром, и мальчик тихо смотрел, как рассекается вода, какая она черная, какая бездонная река. Прицепленная на цепь телега едва покачивалась, впервые Егорка осознанно заплакал, вспоминая отца, но тихая вода его успокаивала.

Навстречу им выбежала вся семья, мать упала к колесам телеги и зарыдала.

Собралось все село, многие пробовали утешать её, но это было бесполезно.

Гроб в землянку не внесли, он не поместился. Поставили на улице, у входа. Егорка с братьями теснились за спинами сельчан.

—Сыночек мой, сыночка, на что ты нас... – запричитала старуха, и за ней дружным хором завывали бабы. Надежда, мать осиротевших, плакала сидя, она не могла ни говорить, и думать, и словно впала в беспамятство.

Мужики молчали, едва шепотом переговариваясь и переглядываясь. На стол ничего не собрали, кушать было нечего и самим, ни самогонки, ни хлеба.

Так продолжалось с часу. Егорка и его братья устали, но знали, что надо закончить до конца. Маленькие тихо плакали, видя, как плачет мать.

Сильные руки мужиков подняли гроб, и понесли на кладбище, на приготовленное место, чтобы затем опустить в глубоководную сырую, залитую водой и грязью яму.

–Помнишь Ивана? – спросил один.

–С детства помню, выросли вместе, вот и жизнь к концу подошла, и детей сиротами сделали... – ответил другой.

–Смерть она злая тетка, всегда рядом, – сказал третий мужик.

–Всегда, всегда... Война вроде далеко, а смерть рядом, ну, пару раз бомбы сбросили за бугром, и все на этом, а люди все гибнут...

–От этого и грустно мне, жить, да жить, детей растить, молод ещё был, а тут... беда. Эх! Вот что значит судьба.

–Горькая доля семье досталась, – сказала рядом идущая баба, и так бедствует, а человек то с умом был.

–А кто ж виноват? Судьба такая.

–Рассказывают, обвинили его, что, мол, сам виноват, не там стоял, не то делал, не по инструкции, мол, – кто-то влез в разговор.

–Инструкция, инструкцией, а жизнь ему она не спасла.

Гроб занесли на кладбище, мать обняла гроб и долго целовала, плакали бабы, словно от души отрывали кусок раскаленными клещами. Толпа прильнула к могиле, и смела Егорку и братьев в сторону, их никто не замечал, все были поглощены горем.

–Иван! Друг мой отзовись! Милый, отзовись – растолкал всех пьяный здоровенный кузнец, чуть не задавивший Егорку ногой, пришедший позднее всех, в руках у него была кованая кувалда, –пусти! Пустите поколочу! – кричал он, – уйдите от него! – все расступились, – я ему голову поправлю, поправлю голову, я принес, принес чем! – кузнец размахнулся.

–Держите его! Держите, гроб поколотит! – закричали из толпы, мужики бросились на него, и толпой, ели-ели оттащили от могилы, с трудом выдернули кувалду из огромных рук.

Надежда упала в обморок, и долго не могли её привести в чувства, поливали водой – не помогало.

–Померла что ль? – воскликнула соседка

–Дышит, дышит, не городи ты, сучья баба! – накричал на неё муж.

–Кувалду откинули в сторону, скрутили и усадили кузнеца перед надгробьем.

–Будет, как новенький, будет бегать! – кричал он, затем, мгновенно отключился и уснул, а проснувшись вечером, уже ничего не помнил, ни похороны, ни кладбище не обрисова-

лись в его памяти.

–Ну что ты... бог с тобой, уснул окаянный черт, напился с горя, – засопел уставший от борьбы мужик.

–Хорошо успокоился, недобро и гроб разбил бы, и нам головы, вместе с Иваном отравились... на тот свет.

Старуха же от испуга потеряла дар речи, и только глотала воздух ртом, ворочала языком во рту, меж оставшихся черных зубов.

Надежду подняли, и понесли домой, где она пролежала до утра в горячке. Дети спрятались за широким тополем, и тихо плакали, побежали за мамкой, все, кроме Егорки, он хотел дожидаться, когда все разойдутся и побыть наедине с отцом.

–Нервы сдали, – сказал кто-то тихо, опуская гроб в яму, дно которого хлопнуло о кромку воды.

–Всплывет же! – закричал один.

–Не-е-е, что ты, черноземом закидаем, он воду впитает, а потом и засыплем, – так и сделали.

Каждый из присутствующих кинул по комку земли.

–А мой то, с ума сошел, все детство с ним, а тут его в гробу привезли... пойду-ка кувалду домой отнесу, – она заплакала и ушла.

Ещё немного, и над могилой воцарилась тишина, небольшой холмик возвышался над землей.

–С богом.

–С богом – повторили другие, и ушли.

–Идти пора, – похороны были закончены, все разошлись,

кроме маленького мальчика, оставшегося стоять в одиночестве над свежей могилой отца.

–Папа... папа! – долго ещё доносился его одинокий детский голос и ели заметный плач.

Глава 5.

Свет пробивался через щели в стенах и крышу, освещая дорогу полосками, светила яркая луна, и немного приморозило, но вода в лужах не застыла.

Боль в спине стихла, рана перестала кровоточить, кровь застыла, склеив драную телогрейку не по размеру и тело. Егорка стиснул зубы и попытался оторвать ткань от раны, но испытал острую боль, оставил так.

–Пройдет, – буркнул он под нос, и, пошатываясь, встал, поднял крышку и выглянул наружу.

Тишина, только ветер шумел через щели, едва завывая.

Мальчик осмелился вылезти наружу, он захотел в туалет, захотел пить, нужно было найти чистую лужу, сгрызть свои запасы сухарей. Его день пошел насмарку. С самого утра, он ходил голодным, без куска хлеба во рту, беспризорники сорвали все его надежды насытиться к вечеру.

Он был очень голоден, немного промерз, но было терпимо.

Пошарив по ангару, он не нашел ничего съестного, но довольствовался лишь мукой, какую набрал в карман.

—«Будет тесто»— подумал он.

Много унести он не мог, а оставаться здесь было опасным, его могли поджидать снаружи, ночь же скрывала все передвижения, и выбраться из ловушки было куда проще. Тем более, по его рассуждению, его могли бы здесь поймать, и отправить в отделение, затем в приют, куда он не хотел, а перед этим, не разобравшись, после вчерашнего, просто отлупить и выкинуть на улицу. Скорее всего, рабочие сообщили начальству, ведь приходил человек со свистком. И так, сиротка решил вылезти из западни.

Ступая осторожно, опасаясь сторожевых собак, мальчик потихоньку прощупал ветхие деревянные стены. Перебирая одну доску за другой, ища лаз. Он обошел одну сторону, противоположную от вокзала, которая смотрела на ряд других складских помещений, там были люди. Егорка видел огни железнодорожных путей.

Единственной ветхой доской, оказалась та, которая находилась в открытом углу ангара, эта часть хорошо просматривалась, и свора могла следить за выходом, но не была освещена, и мальчик дернул её в сторону. Доска ушла вбок, небольшой щели хватило для маленького мальчика.

Сиротка ползком переправился до забора, окутанного колючей проволокой, под ним была ямка, которую, видимо ещё давно вырыли для себя разгуливающие на территории сторожевые кобельки. Егорка осторожно пролез, зацепившись большим местом за проволоку, ткань с хрустом оторвалась

от раны и брызнула кровь. Сиротка ахнул, сжался в комок, на глазах проступили слезы, но боль вскоре стихла.

—«Пройдет» — повторял он, — «пройдет, завтра пройдет уже», — и полз.

Пока не настало время подняться. Как он и предполагал, его поджидали, в ближайших кустах сидели и разговаривали подростки. У забора сидело ещё несколько человек. Остальных он не видел, но чувствовал, что за ним следят, а он, обманув их ожидания, пробирается темной стороной, которая лежала в тени и свет луны на неё попадал лишь незначительно, скрывается от них, как и прежде.

Приподнялся и сел на корточки, осмотрелся, прислушался, затем согнувшись перебежал рельсы, перескакивая полотно одно за другим, голоса не прекращались, смех усиливался, и вскоре Егорка почувствовал холод кирпичного фундамента, по коже пробежала дрожь. От того места, как он сюда попал было рукой подать.

Егорка перешагнул куст травы, поднял голову и увидел сидящего в углу спящего мальчика, которого поставили караулить забор, но тот с заданием не справился.

Маленькая фигурка сопела, чуть покачиваясь, опершись о стену.

—«Так не пройти», — решил Егорка. Мальчик хотел было уйти, но увидел небольшой предмет, рядом, до него можно было дотянуться.

—«Нож! Вот чем в меня попали» — Егорка попробовал до-

тянуться, но не достал, тогда он помог себе ногой, подтянувшись немного, зацепившись о выступ фундамента ногой.

Не вышло. Мальчишка стоял на месте, подтянувшись, Егорка лег на живот и пальцами закрутил заточку, стараясь поймать её. Лезвие звенело о бетон, тогда аккуратным движением мальчик подтянул себе ножичек, и подхватил, сполз вниз и затих. От шума часовой вздрогнул и проснулся, он взбодрился и подошел ближе. Осмотрелся.

–Кто здесь? Калач ты? – спросил он, но никто не ответил.

–Никого, во сне приснилось, – забубнил он, и отправился в свой темный угол.

Выждав немного, сиротка, согнувшись выбрался к левой стороне забора, которую не охраняли и перелез, засунув заточку в горе-ботинок, обмотав её перед этим тряпкой, чтобы не пораниться.

На сей раз забор показался ему непреодолимым препятствием, мышцы болели, болела и спина. Головная боль не прекращались.

–Похоже, злая баба хорошо мне треснула, – зашипел со злости мальчик, и, цепляясь за кирпичики, забрался на самый верх. В лицо хлынул прохладный порыв ветра.

Оставив за собой вокзальные рельса, Егорка шел по городским улицам.

Как всегда, даже в свете луны, они казались ему чужими и грязными. Вечно серыми и угрюмыми. От сырости бросало в дрожь, сиротка нашел подходящую лужу, на которой пе-

реливался ночной свет, наклонился и принялся пить. Прохладная вода взбодрила его, он достал сухарик и размочил, засунув себе в рот.

Он долго жевал размокший хлеб, ощущая его приятный вкус, тянул до последнего, чтобы обмануть голод.

Мальчик смотрел только себе под ноги, перепрыгивая и перешагивая лужи, чтобы не намочить. Ноги его сделались по самый верх грязными, большие куски липли и притягивали к земле, стали тяжелыми.

Обмыв ноги в грязной луже, сиротка принял на обочину, пошел по зарослям, свернул в проулок и вышел к порогу деревянного двухэтажного дома, найдя убежище в развалившемся прогнившем сарае.

Крыша его провалилась, и все то, что осталось от соломы упало вовнутрь, облепив все его содержимое, свисала с черных сырых палок, которые служили перекладинами его крыши. Подстелив под себя сумку, мальчик погрузился в долгожданный и спасительный сон, согнувшись калачиком, но сон получился беспокойный, сильно мерзли ноги.

Снились ему улицы, села, сено. Мальчик проснулся во сне в овраге дороги, в крови, с раздробленной камнем головой, избитый и замученный, не было сил подняться по склону.

Гематомы ныли, щепки от палок впились в его ноги. Но к удивлению, боль прошла, и мальчик сумел подняться, отбитые внутренности встали на место и больше не ныли. Остался дискомфорт во рту, на месте оставшихся выбитых мо-

лочных зубов начинали затягиваться раны. Это была сцена из прошлого. Она снова повторилась с ним во сне. Его пальца цепляли густую траву на склоне, который во сне казался ему отвесным.

Свет уличных фонарей ослепил его.

Всякий раз его гнали, били, охотились, желая раз и навсегда раздавить этого надоедливового и живучего клеща. Его повадки раздражали озлобленных городских беспризорников, он был «беспартийным», одиночкой.

Каждый клялся разбить ему лицо, унижить его, уничтожить, оплевать, каждый из них считай честью поймать «беспартийного» из деревни, отнимающего у них хлеб и заработок. Если пришлось так, что последний удар стал роковым, толпа опьяненная разбежалась по сторонам, подбирая хвосты.

Жители улиц, обреченные на страдания, вызываемые холодом и голодом, обреченные на муки, отягощенные бременем болезни, «голодной чумой», злостью, замерзали, умирали, и вот, в какой-нибудь канаве можно было обнаружить высохший замерзший труп старика, ребенка. Некоторые счастливики умирали мгновенно, испустив дух блаженно, некоторые в агонии и бреде, стонущие на последнем издыхании.

Трагичность последних минут бедняка – одиночество, никто не придет на твою могилу.

Все это было его повседневностью. К трупам он привык также быстро, как и к побоям, как привыкают к жаре или хо-

лodu. Только к голоду невозможно привыкнуть, он поглощает все пространство внутри, делает его полым, высасывает душу, даже из ребенка, и превращает в своего вечного раба.

Бездомные, не успевшие найти себе теплую одежду на зиму, не успевшие подобрать худо-бедную обувь или хорошую обмотку, были обречены на смерть.

Жизнь полноценного пролетария являлась для них несбыточной мечтой, старики уже не могли, дети ещё не могли. Такого светлого будущего для себя они не видели на просторах дорог и полей.

Голод подавлял их, становясь орудием пыток, раскаленным крестом. Он давил их психику, превращая их в голодных полулюдей, хотя более человечных, чем люди есть на самом деле. Истощение сводило с ума, выпотрошив, опустошив и вывернув наизнанку.

Слабые и старые сдавались, истерия захватывала их умы, лишала здравого рассудка, горячка ломала их характер. И месяц за месяцем голод расставлял свои точки над «i», отправляя в могилу все больше и больше нищих.

Бродячих становилось с каждым месяцем все меньше и меньше, оставшиеся же научились приспособливаться. Выживали, хватаясь зубами за жизнь, за ту, какая у них была.

Впереди ждала убийственная зима, но все же, красный накал голода остывал день ото дня, год от года, зима не могла длиться вечно.

Глава 6.

– Давай сюда сапог, я его посажу, – вцепилась в прохожего оголодавшая, горбатая иссохшая старуха, – дай сапог, ну! – она выкатил глаза.

– Уйди проклятая, ведьма! Пусти! – испугался прохожий.

– Нет уж, снимай, леший! Вижу, вижу, рога растут у тебя, да хвост! Вижу, ан вон он какой – до земли! – зашипела старуха, отмеривая расстояние от ремня до земли.

– Уйди, кому говорю! – испуганный мужичек вырвался их цепких рук старухи и побежал, скрывшись во мгле ноябрьского утра.

– Ушшшш... ирод! – оскалив оставшиеся два передних зуба, старуха проводила его взглядом его взглядом, бормоча и причитая то молитвы, то проклятья, которые посылала всякому прохожему в спину, показывала пальцем.

– Чую, чую, – старуха развела руками и стала приняховаться.

Сама же борьба за жизнь на улице велась, поскольку со стихией, постольку с самим измученным озлобленным человеком, что придавало всему происходящему горечи, кровавости и сумасшествия, так придавало и благородство светлой душе мальчика, которая светилась своей невинностью, словно летнее солнце.

Старуха осторожно отворила наполовину упавшую дверку сарая, присмотрелась.

Егорка спал, свернувшись клубочком, посапывая маленьким носиком. Что-то закопошилось в груди бабушки, какие-то далекие чувства вновь завладели ей.

–Так, – прищурилась старуха, которая осторожно приблизилась, склонилась и принялась, – мальчушка, а ну-ка проснись, – она растолкала его своими когтистыми руками, под когтями которых скопилась ещё прошлогодняя грязь, руки ее пахли сыростью и землей.

–Бабушка? – мальчик поднялся, сел на корточки, и протер заспанные глаза кулачками, – бабушка, не ругайся! – виновато проговорил Егорка.

–Ничего, ничего, поднимайся, пошли я тебя угощу, сладкую свеклу хочешь? Пошли, пошли, маленький мой, – старуха подхватила обессиленного мальчика под руки и повела к себе на первый этаж, в маленькую грязную старушечью каморку. Маленькая комнатка освещалась свечкой, умылась одинокая бабушка в ведре с водой, которую приносила из старого ветхого колодца. Сама она давно спала на грязной постели, полной клопов, старик давно умер, не дожив до войны пару лет. Сыновья погибли на фронте, оба, оставив старуху одну. Старший подорвался на mine, второго застрелили в голову на украинском фронте, после чего старуха умопомрачилась, замкнулась и разум ее поник, затух и перестал жить.

–Сыночка пошли, голубок, сейчас воды вскипячу, – она зачиркала спичками по бумажке, которую смяла и бросила

в скудные дровишки, они лежали в облупившейся глиняной печке. Достала из под стола небольшую свеклу, подобрала поцарапанные затупленный ножик с окна, и принялась чистить овощ.

–Бабушка, а ты одна живешь? – спросил её Егорка, осматривавший комнату. Обоев на стенах не было, штукатурка облупилась, пол прогнил и скрипел, в нем зияли черные дыры. По углам наблюдался мышинный помет, а в воздухе витал затхлый старушечий запах кислого сыра. Единственное окно было разбито, и затянуто какой-то пленкой, скорее всего бычьими кишками, через которую дул ветерок, расходящийся струйками по комнате.

–Одна, одна сыночек, уже который годок одна, – с горечью проговорила увлеченная бабушка, – скучаю иногда, а так, жить можно, я то, своих всех потеряла, а ты, вижу, один остался? – спросила она у сиротки.

–Мамка осталась, и бабушка, – скромно ответил Егорка.

–Плохо, видать им, раз ты по свету скитаешься.

–Плохо бабушка. Я из дому ушел, там плохо... – Егорка потупил взгляд, ему не хотелось вспоминать о доме, было слишком горько, и он по нему скучал.

Дом манил его, своим запахом, детскими воспоминаниями и наивной надеждой.

Дети играли на улице, босые и некормленные. Так проходило их детство, без игрушек, в грязи и в поле с насекомыми. Они уже успели сбегать на луг и собрали дикой травы, пожевать её, выкопали кое-какие корешки и покушали ими, долго смакуя и передразнивая друг друга. Маленький Алеша поранил ножку, и за них ухаживал брат Витя, который играл в медика. У реки обмыли ногу чистой водой, вытащили щепу.

–Егор, иди в дом! – позвала мальчика мать, появившись сверху на склоне холма.

–Иду! – Егорка сорвался с места, взобрался наверх, улыбнулся братьям и по старой тропинке, по высохшей глине устремился к вымощенной известняком дороге, у которой стояла его землянка, и через пять минут вбежал в дом.

–Егор, милый, слушай меня, нам кушать нечего, – мать заплакала, – тебе идти придется, с сестрой, по миру скитаться, за хлебушком идти, а то помрешь, – мать зарыдала ещё сильнее, – ты самый взрослый.

–Мамка, мамка, не плачь, – Егорка обнял её, но она испуганно отстранилась, подобрала с нетопленной печки сумочку, и рыдая протянула ее Егорке.

Давно назрел голод в семье, мать молчала некоторое время, недоедала, мучилась, но не могла решиться отправить старших собирать, выгнать их из родного дома, куда глаза глядят! На смерть, на улицу! Но, время настало, мать её старуха начинала пухнуть от голода, земля не кормила, денег

не хватало. Непомерный женский труд лишил её сил физических, истощил её, иссушил, а затем и высушил её моральные силы – силы матери.

–Сшила тебе, сумочку, – перевесив её через плечо, она обняла сына, – иди, с богом, не задерживайся.

Мальчик не решался. Тогда старшая сестра схватила его за руки и вывела из дома. На лавочке под низким единственным окном, находящимся почти у самой земли, сидела грустная и заспанная старуха, у неё отказывали ноги, и она передвигалась держась за стены и помогая себе двумя срубленными, даже не отесанными палками.

–Идем, дурачок! – выругалась на него сестра, – сказали, идти, значит надо идти!

–А я не хочу уходить! Кать, не хочу, не надо!– мальчик тянул её за руку обратно в дом, заплакал.

–Дурачок ты, – заключила она.

–А братишки? – Егорка плакал, – к мамке хочу! Пусти! – бился он.

–Братишек то куда? Ты за ними будешь присматривать? Идем, идем! Они не дойдут, маленькие! Не дойдут, говорю! – она резко подняла его за руку и поставила на ноги.

Егорка подчинился. Они тихо зашагали вперед.

–Куда мы? Кать? – мальчик вытер слезы, осмотрел пустую сумку.

–К тетке, за солью, – сухо ответила сестра.

–Это к какой? – не возмутился мальчик, – к какой тетке?

–К той, которая в *** живет, – понял?

–Да, – она злая, – Егорка её не любил, – старая ведьма! И к ней ты меня тащишь?

–Тебе то что, соль тоже злая? Заткнись, и помалкивай до-рогой всей! А то оттащу тебя в лес, или в поле и брошу! Я тебе не мамка! Цацкаться не буду с тобой!

Егорка сорвался с места и устремился обратно в деревню, сестра в ярости провожала его глазами и бросилась за ним. Мальчик с рыданием ворвался в землянку и кинулся к сидевшей у окна матери, в ее объятии. Долго рыдал он, не отрываясь от юбки, пока сестра не отбила его и силой не вывела из дома.

К вечеру они добрались до старого деревянного дома, расположенного на краю деревни ***. Дом стоял, чуть покосившись набок, забор из кольев упал и сгнил, ставни были закрыты всегда, старые петли их давно проржавели, а фундамент ушел под землю в чернозем.

В деревне *** все дома были такими, некоторые, потеряв последнего жильца, стояли опустевшими и заросшими. У мальчика болели ноги от непривычки, он шел босиком, осторожно ступая там, где начинались камни известняка. В эту самую деревню понемногу закрадывался голод, ее начинали покидать особо бедные люди, как и Егорка после, в надежде, что все то, что с ними началось, закончится быстро, и они вернутся домой, заведут огород, и будут сажать вкусную свеклу, о картошке они и мечтать боялись, даже и толком не

знали, как она выглядит, и боялись ее, заморское чудо.

– Мне холодно, – мальчик обратился к молчавшей сестре, он озяб, колени у него тряслись.

– Молчи, уже пришли, – злобно ответила она, – что не терпится? Так ты терпи!

Катя постучалась в деревянную дверь.

Никто не отвечал. Она постучалась сильнее, и чьи-то шуршащие шаги послышались за дверью.

– Вот видишь, дурачок, я же говорила, нас впустят, – улыбнулась она.

– Кто там? – спросил их сухой голос из-за двери.

– Я, Катя, за солью пришла.

Скрип замка заложил уши, казалось петли не смазывались лет сто.

Из щели высунулся длинный бородавчатый нос бабы с бородавками.

– Ааа, голубушка, на кой ты тут? Какая соль? – спросила баба, не впуская их за порог.

– За солью, мамка послала, тебе то не знать? Не придуривайся! Сама позвала, принимай.

– Так нет её, её надо воровать идти. Если хочешь, пойдем, я вот уже и собиралась пойти, к утру надо успеть бы, – у бабы сверкнули глаза, – а это кто с тобой? – удивилась она, и испугалась, улицезрев постороннего с начала разговора, не заметила Егорку, на её лице отразилась презрительная гримаса.

–Стоит и слушает! Аль разболтает всё по деревне! – испугалась баба не на шутку.

–Это братик, он со мной, мамка приказала, – Катя облизнула высохшие обветренные губы, небрежно толкнув Егорку в плечо, – он маленький, не разболтает он.

–А, ну пусть так, я сейчас приду, жди, – дверь вновь скрипнула и закрылась. Дети остались стоять на пороге. Егорка продолжал мерзнуть, ночь только начиналась. Через некоторое время спустя, баба вышла через черный вход со двора, неся в руках два больших мешка, в которые, как видно было из-за кусочков белого вещества, уже ни один раз, воровала соль со станции.

–Пошли, это тебе, – она злобно взглянула на мальчика, протянув Кате мешок, – этот будет шуметь? – спросила она шепотом.

–Он тихий, дурачок, – ответила Катя.

–А вдруг сболтнет чего? – подозрительная баба осмотрела мальчика.

–Вряд ли, – Катя поморщилась, тогда я его отлуплю.

Ночь оказалась холодной, Катя сама начала испытывать озноб, а Егорка, тихо плача, сильно сжался, только тетка себя комфортно чувствовала, одев теплую дырявую рабочую фуфайку.

К четырем часа утра они вышли к станции, свернули с дороги и обогнули покосившийся деревянный забор, обмотанный колючей проволокой, оказались на железнодорожном

полотне. Егорка испуганно сглотнул комок, ему было не по себе, он понимал, что они идут заниматься плохими делами и ему было страшно.

Вдали стояли составы, тетка осмотрелась, вокруг никого не было, охранник спал, недавно совершив обход. Собаки либо передохли, когда их стало нечем кормить, либо убежали в лес, находившийся совсем рядом. Кого они съели за это время, или кто съел их неизвестно, люди бывало пропадали, но тетка слышала о появлении волков, хотя это были всего лишь слухи и мало кто им верил. Для волков нужно мясо, а не тощие крестьяне, как она считала, позабыв о мослах, приправленных кожей .

–Пришли, пусть вшивый останется здесь, – шепнула она на ухо Кате, та кивнула, и приказала мальчику спрятаться за забором и сидеть в кустах, пока они не вернуться.

Опытная тетка быстро определила состав с солью, сорвала пломбу, и отодвинула створку. На ощупь поднялась, принялась забивать мешки, подавая их вниз Кате, которая с трудом их отволокла к забору, где сидел замерзший сонный Егорка. Мальчик пробовал заснуть, но ноги его были холодными, ему это нестерпимо мешало ему, отвлекало и мучило, он хотел жаловаться, но боялся.

–Эй, дурень, ты тут? – воскликнула тихо Катя.

Мальчик закопошился:

–Катя, вы скоро, я замерз – жалостно ответил Егорка.

–Сиди, – она ушла за вторым мешком. Вернувшись с тет-

кой, махнула Егорке рукой.

–Идем, что сидишь? – и поманила его за собой, – идем дурак.

Тетка взвалила на плечи мешок, он показался ей тяжелым, тогда она его сбросила, и прошептала Кате так, чтобы идущий впереди Егорка не слышал их болтовни.

–Тяжелы мешки, а давай-ка этого, малого загрузим, а то идет, пустой, ищ, выискался, кормить его за какой черт? – Катя удивилась тому, что она сразу не догадалась об этом.

–Так он не унесет, маленький, – сказала она, взглянув на тетку.

–Унесет, а мы с тобой один понесем вдвоем, – ухмыльнулась баба.

–Егор, а ну-ка иди сюда, – мальчик подошел, – а ну-ка, держи! – ему взвалили на плечи мешок, под грузом которого он чуть было не упал, но он выстоял, и пошатываясь, боясь в раскачку побрел вперед, подгоняемый страхом.

–Тяжелый! – он хотел было скинуть, но Катя его остановила.

–Кому говорят, неси! Я тебя здесь брошу, дурака, одного! Матери все расскажу, быстро взял! – она замахнулась на Егорку, но не ударила, оголив злобно зубы, тот заплакал, но понес мешок, шатаясь.

–Так-то, – она улыбнулась.

У мальчика текли слезы.

Сестра и тетка схватили один мешок и обогнали мальчи-

ка, который, теряя силы с каждым пройденным метром, плакал все сильнее, свалил мешок на землю и стал тащить его, с упорством, с яростью.

Наступило утро. Идущие вперед Егорки родственники давно скрылись за горизонтом, сколько не кричал им мальчик, сколько не звал и умолял, они не подождали. Оставалось несколько километров до деревни.

Егорка устал, его руки отсохли окончательно, а мешок казался непосильной ношей. Но это его не остановило, им двигал страх, заставляя идти вперед. Он по-настоящему боялся остаться один, без сестры, без старшего и более опытного надзирателя, он боялся сбиться с дороги, волков, криков птиц, рассвета, ему не хотелось спать, испуг терзал его и он нес вою ношу с большим остервенением, он охрип от тихого плача, слезы пересохли и больше не текли.

Протаскивая мешок по десять метров, мальчик отдыхал, затем вновь протаскивал, и так, за несколько часов, выбившись из сил окончательно, измучившись, голодный, но согретый непосильным трудом, он добрался почти до самого дома тетки, но упал, споткнувшись, разбил себе нос, утёр кровь и поднялся. Руки его тряслись от холода и усталости.

Пройдя вдоль упавшего забора, постучал в дверь, казалось его ждали, вновь скрип, вновь острый нос бабы показался на улице.

–А, пришел? А где же мешок? – удивилась баба.

–Тетья, я устал, он там, вон там, – Егорка показал в сторону

деревни , в сторону забора.

–Как там? Одурел, давай сюда тащи! А мы пока есть приготовим, – притворно выговорила тетка, а сама все посматривала из-за двери.

Егорка сошел с порога, и из последних сил притащил соль к двери, тетка вышла, важно и деловито занесла соль в дом, и наказала мальчику:

–Смотри, скажешь кому про соль, язык тебе отрежу, понял? – сквозь зубы выговорила она, свернув черными глазами, – я тебе, тварь, его оторву, сучий ты сын.

–Да я ни кому тетенька, пусти, пожалуйста, – взмолился мальчик, – я есть хочу, я замерз.

–Рано ещё, не готово, иди-ка, пройдишь по деревне, прособирай милостыню к столу, и приходи, – на сей раз, ласково попросила его тетка, – знаешь что это такое, "милостыня"? Это куски хлеба, сухарей, ходишь просишь, вымаливаешь, шкурки свекольные, коренья, иль что дадут. Иди!

–Хорошо, -, ответил мальчик, перед Егоркой вновь закрыли дверь, он осмотрелся по сторонам, сонливость отошла, ее сильно заглушал голод, живот, казалось наполнялся собой, своим собственным содержимым. Мальчик попил из стоящей лужи.

Многие двери оставались закрытыми, иногда заспанные крестьяне выносили кусок репы, свеклу, кусок хлеба был редкостью на протяжении всех лет мытарства мальчика, даже сухарь был роскошью. Егорка не смог стоять на ногах, он

немного закусил не стесняясь, вгрызлся в пищу, согласившись со своей совестью на сделку – покушать самому в тайне, но принести побольше к обеденному столу, тем самым обойдя каждый двор, он удовлетворил собственную совесть, он хотел понравиться тетке, хотел удивить и задобрить сестру. Егор стучался по второму разу, где не открывали. Некоторые добрые люди, проявляя сострадание, спрашивали чей же он, какой деревни, какого двора, с кем пришел, иные просто прогоняли. Этим и обходилось, пока его никто не бил, не пинал.

И к полудню мальчик возвратился к тетке с небольшим, но сытным уловом.

Дверь открылась.

– Ну, давай сюда мешок, – баба улыбаясь протянула руку и облизывая грязные сухие губы, Егорка колебался. При свете дня, мальчик отчетливо заметил черные грязные ноги и пальца тетки, ее немытость, и вонь, исходившую из-за двери.

– Ну? Давай, что боишься? – тетка стала улыбаться еще шире, мальчик нерешительно снял сумку с плеча, и, входя, протянул ей, тогда она молниеносно выхватила ее, оттолкнула мальчика в сторону, с порога.

Вытряхнула на пол всю еду, до последней крошки, отобрала всё самое лучшее, за исключением нескольких грязных сухарей, охнула и швырнула со всей силы остатки и сумку в лицо мальчику, которая хлестнула ему в глаз, оставив небольшой синяк. Егорка заплакал.

–Тетя, тетя, ты чего? – маленькие губки затряслись от обиды и страха, – мало принес. я еще соберу, только впусти?

–Вшивый ты! – завизжала тетка, – такого в дом срамно впускать! Пошел отсюда, побью, сучий ты сын! – она захлопнула за собой дверь.

Вокруг мальчика воцарилась звенящая тишина.

Но дверь вновь скрипнула, немного обрадовав Егорку, старуха швырнула на землю ещё один кусок сухаря:

–На, жри, собака, не подавись! – прогнусавила она, и закрыла дверь.

Глава 7.

Свесив маленькие грязные ножки, мальчик сидел на кровати и ждал, когда старушка почистит свеклу. Он непридуманно ковырялся в ногтях, почесывался то тут, то там.

Вскоре, она закончила, и попросила гостя к столу.

–Клопы меня загрызли, поганые, спасу от них нет, спишь, а они возятся, да кусают, а ты кушай, кушай, – она протянула кусок свеклы Егорке, тот с аппетитом принялся грызть сочный плод.

–Мне, бабуля, нельзя задерживаться, – сказал Егорка, когда сжевал остаток.

–Куда ж ты внучек пойдешь? – удивилась старуха, – оставайся, проживем как-нибудь.

–Не могу бабушка, я обузой буду, из дома меня отправи-

ли, обузой был, – грустно сказал Егорка, – я взрослый, я все понимаю, мне нельзя, я сам.

–Да как же обуза? Такой маленьких, да обуза? – спросила старуха, оставшись стоять с открытым беззубым ртом.

–Там голод, лютый, как мне говорили, бабушка с голоду опухла, раздулась, как лягушка, мать тоже, колхоз опустел, пшеницы нет, колосков нет, ничего нет. Ворон и то съели всех, а ракушек из речки выловили, рыба ушла, травой одной питаются, лебедой, – вздохнул мальчик, – мне надо бабушка, идти, хлебешек добывать.

–Раз не хочешь остаться, родной, иди с богом, я тебя насильно не буду держать, а то сжалилась над тобой, жалко мне вас, бедненьких, – бабушка заплакала, обняла Егорку и проводила до порога.

–Прощай, – она вытерла старушечьи глаза от слез, Егорка поблагодарил её и ушел, не оглядываясь, потупив взгляд, пошлепав по лужам, по чьим-то следам.

–Прощай, – крикнула старуха ему в след.

Егорка так и не узнал, что старушка умерла через несколько месяцев, а перед этим сильно затосковала по родным. Почувяв смерть, она легла на кровать, сложила накрест руки и торжественно произнесла:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.